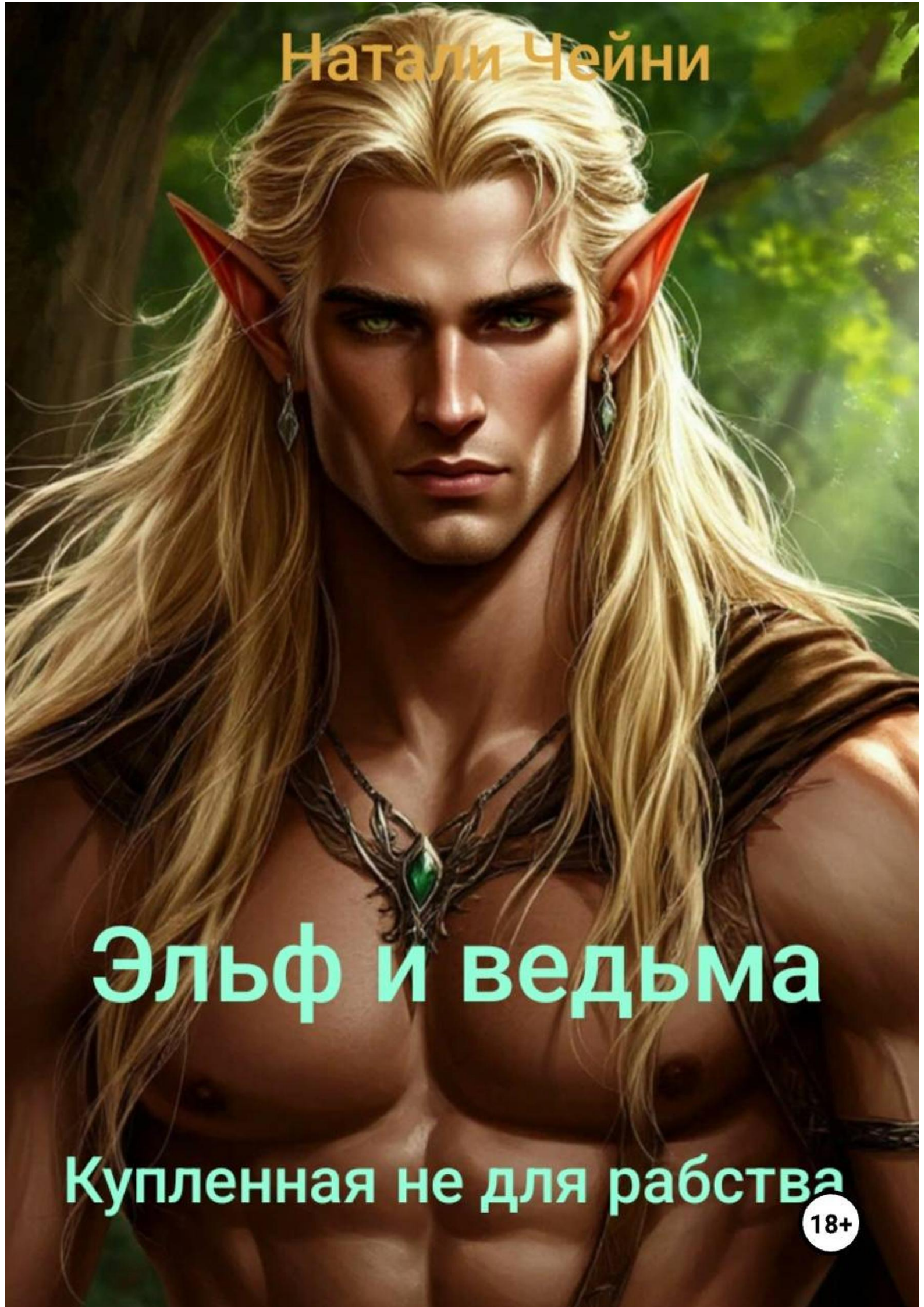

Натали Чейни

Эльф и ведьма

Купленная не для рабства

18+

Натали Чейни

**Эльф и ведьма.
Купленная не для рабства.**

«Автор»

2026

Чейни Н.

Эльф и ведьма. Купленная не для рабства. / Н. Чейни —
«Автор», 2026

Он купил её на рынке рабов - последнюю ведьму, чей род сгорел от проклятия. Она думала, что станет игрушкой, но стала ключом. Элиан, брат императора эльфов, холодный и властный, привёз её в страну, где людей ненавидят. Ему нужна дверь, которую может открыть только она. Ей - спасение от огня, что пожирает изнутри. Но чем ближе дверь, тем сильнее пламя. И тем опаснее чувство, которое вспыхивает между ними. Свобода - это не когда можешь уйти. А когда остаёшься, потому что любишь.

© Чейни Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Натали Чейни

Эльф и ведьма. Купленная не для рабства.

Глава 1

Рынок рабов в Грейхолде жил своей обычной жизнью: гул голосов, выкрики торговцев, звон цепей и запах страха, смешанный с грязью. Солнце садилось, окрашивая небо в цвет разбавленного вина.

Элиан появился без охраны. Он был высок, в тёмно-синем плаще, расшитом серебряной нитью, с перстнем на пальце, который стоил больше, чем весь этот рынок. Белые волосы, собранные в идеальный хвост, падали на плечи, как шёлк. Лицо его было прекрасно той опасной, нечеловеческой красотой, что заставляла людей опускать глаза: острые скулы, твёрдая линия рта, глаза - холодные, как ртуть, внимательные и ничего не выражающие.

На третьем помосте, у самого заднего столба, стояла девушка. Она не поднимала головы, не смотрела на покупателей. Стояла тихо, опустив плечи, сцепив пальцы в замок так сильно, что костяшки побелели. Цепи на её запястьях были тяжелы, и от них на тонкой коже остались багровые полосы. Ей было лет восемнадцать, не больше. Туника из грубой мешковины едва доходила до колен, открывая худые ноги в синяках. Но главное - волосы. Рыжие, как осенний огонь, они рассыпались по плечам спутанными прядями и казались единственной живой вещью во всём её облике.

Торговец - толстый, с редкими усами и золотыми зубами - заметил эльфа и засуетился, кланяясь так низко, что едва не упал.

- Светлейший господин! Какая честь! Чего изволите? У меня отборный товар, только сегодня привезли, есть и умелые, и крепкие, и...

Элиан поднял руку, и торговец осёкся на полуслове.

- Эта, - коротко сказал он, кивнув в сторону рыжей.

Торговец проследил за его взглядом и скривился.

- Эта? Господин, она совсем дикая, молчит, ничему не обучена. Даже смотреть на неё тошно - одна кожа да кости. Возиться с ней - пустая трата серебра. Могу предложить вам вон ту, смуглую, она и стряпать умеет, и...

- Я сказал - эта.

Голос Элиана не изменился, но в нём прозвучала сталь, отчего торговец побледнел и, не сказав больше ни слова, бросился отмыкать цепи.

Девушка не пошевелилась, даже когда её запястья освободили. Только подняла голову - медленно, испуганно, как зверёк, впервые увидевший эльфа. Глаза у неё были зелёные, как лес после дождя, но в них не было ни ненависти, ни мольбы - лишь глубокая, всепоглощающая усталость. Она смотрела на эльфа снизу вверх, и в её взгляде мелькнуло непонимание, словно она не верила, что кто-то выбрал именно её.

Элиан подошёл ближе. Он был на голову выше, и ей пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд. Её губы дрожали, она не произнесла ни звука. Просто стояла, прижав руки к груди, будто хотела закрыться от него.

- Идти сможешь? - спросил он. Голос его был ровным, без тени тепла, но и без грубости.

Она едва заметно кивнула, но, когда шагнула вперёд, ноги подкосились. Элиан протянул руку и поймал её за локоть - быстро, твёрдо, не давая упасть. Его пальцы были холодными, и девушка вздрогнула, как от удара.

- Прости, - прошептала она, опустив взгляд. Голос её был тихим, почти неслышным.

Элиан на мгновение задержал на ней взгляд. В её испуге, в этом тихом «прости», в дрожащих руках было что-то, чего он не ожидал. Это сломленность - глубокая, как старая рана.

Он не ответил. Только перехватил её за запястье, не грубо, но крепко, и повёл вниз с помоста. Толпа снова расступилась, и в этой тишине было слышно, как звенят цепи, оставшиеся лежать на деревянном настиле.

- Я не рабыня? - тихо спросила она, когда они миновали первые ряды. Она всё ещё не поднимала глаз.

- Нет, - ответил он, не оборачиваясь. - Ты ведьма. И ты пойдёшь со мной.

Она споткнулась на ровном месте и замерла. В её зелёных глазах впервые мелькнул настоящий страх - не перед болью, а перед проклятием, которое она носила в себе.

- Откуда... - её голос сорвался.

Элиан остановился и повернулся к ней. Взгляд его был холоден, но не жесток.

- Ты пахнешь пеплом, - сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. - И в тебе дремлет огонь, который сжёт твой род. Я это вижу.

Элиан развернулся и пошёл дальше, не оглядываясь. Он знал, что она пойдёт следом. Не потому, что он приказал, а потому, что ей больше некуда идти.

Замок Элиана находился за городом. В сумерках его башни казались чёрными, и лишь узкие окна горели холодным серебристым светом - магические огни, не дающие тепла. Девушка никогда не видела ничего подобного. Она едва переставляла босые ноги по мосту, вымощенному гладким камнем, и каждый шаг отдавался в коленях дрожью. Элиан шёл впереди, не оглядываясь, но её запястье всё ещё горело от его прикосновения - холодного, как металл.

Стражники у ворот опустили копья, приветствуя господина, но их взгляды скользнули по ней, как по пустому месту. Она втянула голову в плечи и постаралась стать ещё меньше. Грязная, растрёпанная, в рваной тунике, она чувствовала себя пятном на безупречном мраморе пола. Замок был огромен: высокие своды, гобелены с серебряным шитьём, колонны, уходящие в темноту. Всё дышало древностью, холодом и властью.

Элиан остановился у высокой двери, обитой тёмным деревом, и обернулся. Его белые волосы в полумраке светились, как снег под луной, а глаза оставались непроницаемыми.

- Тебя проводят, - сказал он ровно. - Мойся. Ешь. Отдыхай. Утром поговорим.

Он не спросил, хочет ли она этого. Просто повернулся и ушёл, и его шаги растаяли в глубине коридора, как шорох листьев. Девушка осталась стоять, не зная, куда девать руки. Дверь отворилась, и на пороге появились две служанки - обе эльфийки, с бледными лицами и собранными в пучки волосами. Они не улыбались, но и не смотрели враждебно.

- Идём, - сказала одна из них, и её голос был мягким, но безразличным, как у человека, привыкшего выполнять приказы.

Девушка послушно шагнула в комнату. Это была не темница, а просторная спальня с широкой кроватью, застеленной серым шёлком, с камином, в котором уже плясал огонь, и с окном, выходящим на море. Но она не почувствовала облегчения. Стены из тёмного камня, дверь за спиной закрылась, и щёлкнул замок. Её заперли. Не в клетке, но всё равно в ловушке.

Служанки засуетились: одна наполнила горячей водой большую медную ванну, другая разложила на стуле чистую одежду. Девушка стояла посреди комнаты, обхватив себя руками, и не решалась пошевелиться. Она не помнила, когда в последний раз видела горячую воду не из лужи и не из ручья, где приходилось мыться тайком.

- Снимай, - сказала одна из служанок, кивнув на её тунiku. - Это всё равно тряпье.

Девушка медленно стянула через голову рваную ткань и осталась стоять, дрожа от холода и стыда. Её тело - худое, в синяках и шрамах - выглядело чужим даже для неё самой. Одна из эльфиек поджала губы, но ничего не сказала, только отвернулась, чтобы подбросить полено в камин.

Её взяли за руки и подвели к ванне. Она вздрогнула, когда ступни коснулись горячей воды, но служанки мягко, но настойчиво усадили её. Вода обожгла ссадины, зашипала, и она зашипела сквозь зубы, но не заплакала. Слезы подступили, но она сдержала их - не перед чужими.

Ей мыли волосы. Долго, терпеливо, распутывая рыжие пряди, в которых застряла солома и пыль рынка. Одна из служанок что-то тихо напевала на незнакомом языке, и от этой мелодии, простой и печальной, у девушки защипало в носу. Она закрыла глаза и представила, что это не она сидит в чужой ванне, а её мать расчёсывает ей волосы перед очагом. Но воспоминание было размытым, как сон, и от него стало только больнее.

Когда её вымыли, вытерли мягкой тканью и одели в чистую рубаху из тонкого льна, она сама не узнала себя. Босые ноги утопали в пушистом ковре, кожа горела от мыла, а волосы рассыпались по плечам, как жидкий огонь - чистые, блестящие, незнакомые.

- Господин велел, чтобы ты поела, - сказала одна, указывая на столик у окна. Там стояла миска с горячей похлёбкой, ломоть хлеба и кувшин с водой. - И спать. Вопросы не задавай.

Девушка не ответила. Она дождалась, пока они выйдут, и снова щёлкнул замок. Только тогда она опустилась на край кровати. В комнате было тихо. Огонь в камине потрескивал, бросая на стены тёплые тени.

Она посмотрела на свои руки. Отмытые, но всё ещё с полосками от цепей. Потом на дверь. Заперто. Но ей не хотелось бежать. Бежать было некуда.

Она подтянула колени к груди, обняла их и уткнулась лицом в мягкую ткань рубахи. От неё пахло лавандой и чем-то чужим, но не враждебным. Впервые за долгие месяцы она была в тепле, в чистоте, в безопасности - но слёзы всё равно потекли. Тихо, беззвучно, как дождь по стеклу.

Она не спала. Сначала сидела на краю кровати, боясь пошевелиться, потом всё же легла, свернувшись под одеялом. Но сон не приходил - вместо него из глубины тела поднималось что-то странное. Сначала лёгкое тепло в груди, почти приятное, как глоток горячего вина. Потом жар стал нарастать, расплзаться по венам, будто кровь превращалась в расплавленный металл.

Она заворочалась, отбросила одеяло. Дышать стало трудно, воздух казался густым, как дым. Кожа на руках покраснела, на лбу выступила испарина, но не холодная - горячая, обжигающая. Она прижала ладони к лицу и почувствовала, что они пылают. Внутри неё, под рёбрами, разгорался огонь - тот самый, о котором шептались в её роду, тот, что сжёг её мать, сестёр, всех.

- Нет... - прошептала она, сжимаясь в комок. - Пожалуйста, нет...

Но пламя не слушалось. Оно рвалось наружу, и кожа начала светиться изнутри, как тлеющий уголь. Боль была не острой, но всепоглощающей - как если бы её медленно варили заживо. Она застонала, вцепившись пальцами в простыню, и в этот миг дверь распахнулась.

Элиан стоял на пороге. В одной рубахе, с распущенными белыми волосами, он казался призраком, вышедшим из лунного света. Он вошёл, закрыл дверь за собой, и щёлкнул замок с внутренней стороны.

- Тихо, - сказал он, подходя к кровати. - Не двигайся.

Она смотрела на него сквозь пелену жара и слёз. В голове шумело, как в печи. Элиан опустился на край кровати, и от его близости ей стало чуть легче - от него веяло холодом, как от зимнего окна. Она инстинктивно потянулась к нему, но тут же отдёрнула руку, испугавшись самой себя.

- Не бойся, - проговорил он, и в его голосе впервые за всё время послышалось что-то живое. - Это проклятие. Но я не дам ему сжечь тебя.

Она задышала чаще. Губы пересохли, язык прилип к нёбу, но она сумела выдавить:

- Почему?..

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул по её лицу - по покрасневшим щекам, по каплям пота на лбу, по губам, которые дрожали от боли. Потом он протянул руку и медленно,

очень медленно коснулся её лба. Его ладонь была ледяной, как первый снег, и девушка вздрогнула, но не отстранилась. Холод проник под кожу, унимая огонь, разливаясь по венам, как талая вода по раскалённому камню.

- Потому что я искал тебя, - сказал он тихо. - Потому что ты последняя. И потому что я не позволю твоему роду угаснуть.

Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Жар медленно отступал, сменяясь слабостью. Дыхание выровнялось, но тело всё ещё дрожало. Элиан убрал руку с её лба, и она тут же почувствовала, как огонь в груди снова шевельнулся, будто только и ждал, чтобы его оставили в покое. Она испуганно вцепилась в его запястье.

- Не уходи, - прошептала она. - Пожалуйста.

Он не отнял руку. Вместо этого накрыл её пальцы своими — холодными, твёрдыми.

- Я не уйду, - пообещал он. - Но скажи мне, как тебя зовут.

Она замерла. Давно никто не спрашивал её имени. На рынке она была просто «товаром», в караване - «девкой», на улице - «ведьмой». А теперь он, этот холодный эльф с глазами как ртуть, спрашивает так, будто это важно.

- Эмбер, - выдохнула она.

- Меня зовут Эмбер.

Элиан едва заметно кивнул, будто пробуя имя на вкус.

- Эмбер, - повторил он.

- Огонь, запертый в янтаре. Подходящее имя для последней из твоего рода.

Она слабо улыбнулась - впервые за долгие месяцы. Улыбка вышла дрожащей, но настоящей.

- А ты? - спросила она. - Как зовут тебя?

- Элиан, - ответил он.

Она попробовала повторить, но голос сорвался на шёпот. Он снова приложил ладонь к её лбу, и на этот раз не убрал. Холод от его руки растекался по телу, и Эмбер почувствовала, как веки тяжелеют. Усталость навалилась, как одеяло.

- Спи, - сказал он.

- Это больно тебе? - пробормотала она, уже почти засыпая

- Спи, Эмбер, - повторил он тише.

Дни в замке текли для Эмбер, как вода сквозь пальцы, - медленно и неумолимо. Она жила в той же комнате с видом на море, и единственным, что разрывало монотонность заточения, были его визиты. Элиан приходил, когда жар становился невыносимым, когда кожа начинала светиться изнутри. Он не предупреждал. Просто появлялся, как тень, как неизбежность, и уносил с собой часть её боли.

Сегодня он задерживался. Эмбер сидела на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как дождь хлещет по каменным стенам. Внутри неё, под рёбрами, разгорался знакомый огонь. Сначала мягкий, как тлеющий уголь, он становился всё настойчивее, поднимался к горлу, и она расстегнула верхние пуговицы рубашки, надеясь, что ночной воздух остудит её. Не помогло. Пальцы дрожали, на предплечьях проступили тонкие золотые линии - первые вестники проклятия.

Дверь отворилась без стука. Эмбер вздрогнула и села, отбросив одеяло. Элиан вошёл. Плащ его был насквозь мокрым, с белых волос стекала вода, и при свете свечей он казался выкованным из серебра. Он закрыл дверь, запер её, неторопливо стянул перчатки и только после этого повернулся.

- Слишком сильно, - произнёс он, подходя к кровати. Голос его был низким, ровным, но в нём слышалась сталь.

- Давно?

- С заката, - выдохнула Эмбер, не в силах пошевелиться.

- Я не могла... я ждала...

Он наклонился, взял её за подбородок, повернул лицо к себе. Пальцы его были ледяными, и она застонала, не сдержавшись, - этот холод был спасением, но лишь на миг.

Элиан сел на край кровати, не убирая руки. Вторую ладонь он положил ей на лоб, и прохлада разлилась по телу, но огонь внутри лишь зашипел, как вода на раскалённом камне, и не отступил.

- Не помогает, - прошептала она, и губы её задрожали.

- Раньше помогало...

- Значит, нужно иначе, - ответил он.

Он провёл ладонью вниз - по её щеке, по шее, по плечу. Его прикосновения были медленными, почти ленивыми, но в них чувствовалась сила, способная сминать и подчинять.

Кожа под его пальцами остывала на мгновение, но затем вспыхивала с новой силой. Эмбер зажмурилась, прикусив губу, и её тело невольно выгнулось навстречу его руке.

Элиан не остановился. Его ладонь скользнула к ключице, обвела выступающую косточку большим пальцем, задержалась на ней, будто изучая, а затем спустилась ниже - к груди. Он не коснулся её сразу: лишь накрыл ладонью, не сжимая, и Эмбер почувствовала, как холод проникает сквозь тонкую ткань, как её сосок твердеет от этого ледяного прикосновения. Она всхлипнула, вцепившись пальцами в простыню.

- Ты дрожишь, - заметил он, и в голосе его не было ни издёвки, ни удивления. Только тёмное, спокойное осознание своей власти.

- От жара или от меня?

- От... всего, - выдохнула она, не открывая глаз.

- Смотри на меня, - приказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.